
ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

“Path dependence” и проблемы модернизации мобилизационного типа

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ*

*Плискевич Наталья Михайловна – старший научный сотрудник, Институт экономики РАН. Адрес: 119049, Москва, Мароновский пер., д. 26. E-mail: ons@naukaran.ru

Цитирование: Pliskevich N. (2016) ‘Path Dependence’ and the Problem of Modernization from Above. *Mir Rossii*, vol. 25, no 2, pp. 123–143 (in Russian)

Проблемы модернизации российской экономики и общества сегодня все чаще связываются с необходимостью поиска для страны «особого пути». Признавая справедливость тезиса об «особом пути» России (как, впрочем, и об «особом пути» развития любой страны), автор видит этот путь не выходящим за рамки общей эволюционной теории. В то же время предлагается объяснение усугубляющихся в России трудностей «догоняющего развития». Оно связано не с внутренне присущей России особой институциональной матрицей, а с исторической спецификой эволюции страны, осложненной неоднократными неудачными попытками мобилизационных рывков. Причем эти рывки вытекали не из внутренних потребностей социально-экономического развития, а прежде всего из потребности мобилизации ресурсов для достижения превосходства страны в военной области. При таком типе развития для осуществления мобилизационных рывков, необходимых для достижения военного превосходства, власти требуется не просто опора на традиционалистские ценности и институты (других просто нет). Чтобы служить опорой технологической модернизации военного типа, эти институты должны быть ужесточены, укреплены. В результате институциональная структура страны покрывается своего рода «рубцами», порождающими многие институциональные ловушки, без выхода из которых дальнейший путь социально-экономической модернизации крайне затруднен. В статье рассматриваются институциональные проблемы, связанные с петровским и советским мобилизационными рывками, а также трудности развития, обусловленные неудачными вариантами выхода из обстоятельств, сложившихся в указанные периоды. Подчеркивается, что без учета воздействия этих «рубцов» как последствий неудачной мобилизации прошлых эпох проблемы современной постиндустриальной модернизации России неразрешимы. В выявлении этих «рубцов» и поисках их нейтрализации сегодня должна быть

основной линия разработки теории “path dependence” по отношению к нашей стране. Также отмечается важность мобилизации ресурсов в ходе «догоняющего развития», но именно в модернизационных, а не военно-политических целях.

Ключевые слова: модернизация, мобилизационное развитие, особый путь, институциональные матрицы, институциональные ловушки, петровская модернизация, советская модернизация

«Роковая страна, ледяная
Проклятая железной судьбой –
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?»
Андрей Белый

Мобилизационная ловушка модернизации

Тема необходимости модернизации российского общества и экономики хотя и оказалась в последнее время отодвинутой на задний план, тем не менее объективно остается самой насущной. От успеха или провала модернизационных преобразований страны, по сути, зависит ее будущее в современном глобальном мире. Известный китайский ученый Хэ Чуаньци, разработавший оригинальную методiku, позволяющую сопоставлять уровни модернизации 131 страны мира, подчеркивает: «Модернизация одновременно является всемирным трендом и социальным выбором... те, кто не могут принять модернизацию и предпочитают сохранять традиционный или существующий уклад жизни, все равно испытают социальные перемены, при этом разрыв в уровнях материальной обеспеченности существования между ними и лидерами цивилизации будет становиться все больше и больше» [Чуаньци 2011, с. 34].

И хотя в последнее время разговоры о модернизации страны несколько стихли, нельзя сказать, что в общественном мнении потребность в ней не просматривается. Так, в 2014 г., омраченном военными действиями на Украине и общим ростом антизападных настроений, по данным Левада-Центра, на вопрос о том, какой респонденты хотели бы видеть Россию, 56% выбрали позицию «сильной». Однако этот ответ оказался лишь вторым, уступив позиции «процветающей» (60%), которая подразумевает отнюдь не только державную мощь, но и современную экономику, и достойные условия жизни граждан, т.е. те компоненты, достижение которых и является целью модернизации [Общественное мнение-2014 2015, с. 33]. Здесь важно подчеркнуть, что такой ответ дают существенно больше тех 15–25% населения, которые, согласно многим опросам, образуют устойчивую группу сторонников либеральных модернизационных преобразований. Отмечу также, что в 2014 г. 40% опрошенных отвечали, что хотели бы в идеале видеть Россию такой, как развитые страны Запада (27% – такой, как во времена СССР, 15% – такой, как сейчас) [Общественное мнение-2014 2015, с. 37]. То есть и здесь фактически запрос на модернизацию выходит за рамки устойчиво идеологически ориентиро-

ванной части населения. А с понятием «великая держава» лишь 44% связывают «военную мощь и наличие ракетно-ядерного оружия», а 60% отмечают прежде всего такие позиции, как «высокое благосостояние граждан» и «экономический и промышленный потенциал страны» [Общественное мнение-2014 2015, с. 39]. Да и ярко выраженные «государственники», убежденные, что величие страны может опираться только на возрождение крупных государственных предприятий (прежде всего в сфере ВПК), также фактически признают, что это невозможно без модернизации производственных мощностей, пусть и понимаемой с узкотехнологических позиций.

Все это свидетельствует, что запрос на модернизацию в российском обществе существует. Другое дело, что представление и о сути данного процесса, и о способах его реализации весьма неопределенны. Но в целом можно говорить о востребованности российским обществом изучения модернизационной проблематики и создания дорожной карты преобразований. Даже то, что большинство населения сегодня полагает правильным учет в этой дорожной карте прежде всего «особого пути» России, не противоречит общему стремлению к переменам. Ведь, по сути, у каждой из ныне развитых стран был свой «особый путь» к успеху, опирающийся на ее специфику, особенности истории и культуры, географическое положение, наличие природных ресурсов и т.д.

Обращаясь к модернизационному опыту разных стран мира, нельзя не отметить, что сопоставительный анализ изменений, происходящих там, показывает: процессы модернизации идут асинхронно, неравномерно, а потому их статус на модернизационной шкале не является данностью, определенной раз и навсегда. Так, 131 страна, проанализированная Хэ Чуаньци (в соответствии с введенным им интегральным индексом модернизации), по состоянию на 2000-е гг. были разбиты на четыре группы. 20 стран составили группу развитых; 25 – среднеразвитых (сюда вошла и Россия); 37 – предварительно развитых; 49 – отстающих¹. Однако, подчеркивает китайский ученый, такое распределение между группами, равно как и внутри них, непостоянно (да и само понимание термина «развитая страна» в столь быстро изменяющихся информационных и технологических условиях непрерывно меняет свое наполнение). По его расчетам, в ближайшие 20 лет только 80% входящих в группу развитых стран сохраняют свой статус, а 20% из них могут потерять его и откатиться в группу среднеразвитых. Удержат свои позиции 70% среднеразвитых стран, при этом 20% из них могут перейти в разряд развитых, а 10%, напротив, опуститься до уровня предварительно развитых. Стабильную ситуацию Хэ Чуаньци предсказывает для 60% предварительно развитых стран и 80% отстающих. В то же время среди 40% предварительно развитых стран 20% могут перейти в разряд среднеразвитых, а 10% достичь уровня развитых, хотя 10% могут опуститься до уровня отстающих. Но и у 20% отстающих государств есть шанс перейти на уровень либо предварительно развитых (15%), либо даже среднеразвитых (5%) стран (рисунок 1) [Чуаньци 2011, с. 52–57, 108–109]. Таким образом, само соотношение в уровнях социально-экономического развития непостоянно. И даже у стран, входящих в группу наименее модернизированных, остается шанс сделать рывок и перейти на более высокий уровень.

¹ Об этой работе см. [Латин 2012; Плискевич 2013].

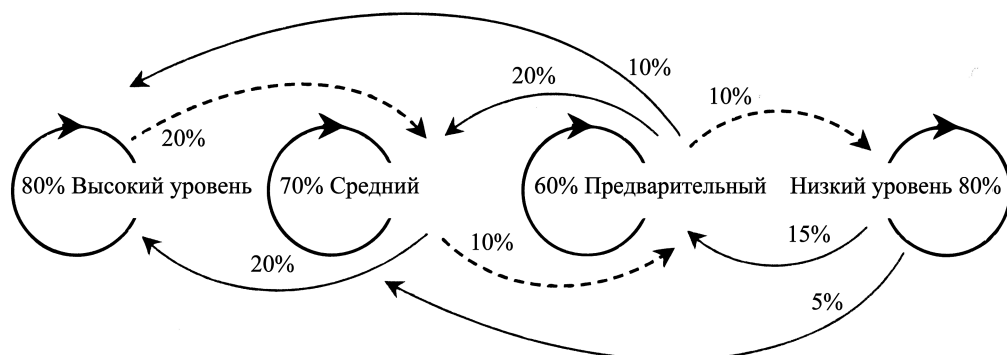

Рисунок 1. Вероятность изменения уровней региональной модернизации в ближайшие 20 лет

Источник: [Чуаньци 2011, с. 109].

В то же время, как видно из *рисунка 1*, большая часть стран, по-видимому, удовлетворена своей позицией. Во всяком случае, эти страны, по сути составляющие костяк предложенной Хэ Чуаньци конструкции, не предпринимают существенных усилий, чтобы перейти на более высокий уровень модернизационной иерархии. Можно предположить, что и в руководстве этих стран, и в обслуживающей его интеллектуальной элите тема «зависимости от предшествующего развития» (*path dependence*) как препятствия модернизационному рывку, позволяющему быстро подняться на следующий уровень развития, не выдвигается на передний план обсуждений будущего. Такие страны продолжают медленное, практически незаметное эволюционное развитие, используя по мере необходимости поступающие извне импортные изделия или даже воспринимая отдельные технические новинки. Но общий уклад, институциональное устройство остаются неизменными в течение десятилетий или даже веков.

Другая ситуация возникает тогда, когда страна (и прежде всего ее лидеры) осознают свое отставание, ощущают его как угрозу своему будущему или ставят перед собой амбициозные задачи прорыва на более высокие уровни развития. При этом их вдохновляют явные примеры гораздо более успешного развития, прежде всего в военно-технической и в международно-политической сферах. И у руководителей таких стран возникает естественное желание преодолеть отставание от лидеров, одним мобилизационным рывком перепрыгнуть пропасть, отделяющую страну от желаемого идеала.

Как правило, в такой ситуации объектами заимствования оказываются прежде всего новые технологии, новые способы организации производства или же более рациональное устройство государственного аппарата, которые уже принесли странам-образцам очевидный военно-технический успех. Однако тут перед странами-реципиентами и их руководителями, искренне преисполненными самых благих намерений, возникает проблема: имплантируемые из другой, как правило, более сложной реальности формы жизнеустройства на новой почве дают совсем иной эффект, нежели тот, на который рассчитывали реформаторы. На это, в частности,

еще в 1960-е гг. обратили внимание исследователи и политики, размышлявшие над причинами провалов модернизации в странах, освободившихся от колониальной зависимости и пытавшихся построить новые независимые государства по образцу развитых европейских стран. Например, Ш. Эйзенштадт отмечал, что попытки реформаторов внедрять в своих государствах апробированные на Западе современные институты наталкивались на культурные ориентации и ценности местных сообществ, воплощенные в традициях, религиозном или мистическом опыте, а усиление «качественных характеристик современности» воспринималось населением как процесс, равнозначный упадку традиций [Eisenstadt 1966].

Ситуацию усугубляет и то, что начинающиеся преобразования тормозили не только и не столько проигравшие от реформ, сколько ранние, промежуточные выгодоприобретатели, выигравшие в результате частичных реформ, поскольку именно такой фактор половинчатости преобразований позволял им «продолжать удерживать свои позиции и получать различные виды ренты как от государства, так и от общества» [Бусыгина, Филиппов 2012, с. 39]. Итогом, как правило, становился крах «относительно дифференцированной и современной институциональной основы», замена ее «более примитивными институтами» или вступление страны «в порочный круг провалов и срывов, зачастую влекущий за собой институциональную стагнацию и неустойчивость, а также системную угрозу способности вбирать в себя новые веяния» [Эйзенштадт 2010, с. 46].

Описываемая ситуация достаточно типична для стран, пытающихся совершить модернизационный рывок на основе мобилизационной стратегии. Как правило, такая стратегия связана с желанием властной элиты в кратчайшие сроки наверстать отставание страны в научно-технической сфере, прежде всего связанной с обслуживанием военно-технических нужд государства, поскольку в силовой мощи видится возможность либо утверждения, либо даже усиления позиций государства в международных отношениях. Однако такой мобилизационный рывок хотя и способен в достаточно короткие сроки воспринять технологические новшества (правда, далеко не все) у вырвавшихся вперед государств, но, как показывает история многих стран, он достаточно быстро сталкивается с новой проблемой: эти нововведения требуют и соответствующего им уровня социальных и культурных перемен. Их успешное развитие предполагает наличие той институциональной среды, в которой они успешно функционируют в развитых государствах. Более того, именно наличие такой институциональной среды создает условия для расширенного воспроизводства и саморазвития тех технических новшеств, которые так привлекают властные элиты, мобилизующие ресурсы страны на очередной модернизационный рывок. И чем совершеннее становятся технологические новинки, тем острее оказывается потребность соответствия их производства институциональной и социально-культурной среде страны-реципиента.

Однако при механических заимствованиях технологий и институтов из практик развитых стран, прежде всего США и Западной Европы, не учитывается, что их современные институты – результат длительного эволюционного развития. Попытка «привить» их к реалиям общества, находящегося на более ранних этапах этой эволюции (или на ином, параллельном пути развития), изначально чревата проблемой совместимости новых институтов и укоренившихся ценностей, обычаев, норм поведения и т.п. Да и сама властная элита оказывается к этому не готова. Более того, новые институты противоречат привычным для нее принципам управления в частности и организации всей социальной жизни вообще. Они вступают

в противоречие и с теми инструментами, которые использует власть для мобилизации ресурсов страны, чтобы совершить необходимый рывок.

Эту проблему несовместимости институтов, характерных для обществ, находящихся на ранних стадиях модернизационных процессов, и институтов более передовых обществ, в которых отражен итог долгих не только технологических и социально-экономических, но и социокультурных преобразований, иногда пытаются представить как принципиальную несовместимость различных «институциональных матриц». Здесь прежде всего вспоминаются теории X и Y-матриц С.Г. Кирдиной [Кирдина 2014], а также теория раздаточной и рыночной экономики О.Э. Бессоновой [Бессонова 2007]. Правда, сторонники этих теорий в последние годы все чаще стали говорить о том, что такое базовое расхождение двух институциональных систем не означает принципиальной невозможности их взаимопереплетения. Так, О.Э. Бессонова анализирует проблемы конвергенции рынка и раздатка. С ее точки зрения, общества раздаточной экономики внедряют у себя рыночные институты, а в странах рыночной экономики большую роль обретают институты социальной поддержки населения, интерпретируемые как раздаточные [Бессонова 2014].

С.Г. Кирдина, рассуждая о возможностях институциональных изменений и их источниках, акцентирует внимание на трудностях, возникающих при попытках внедрения институтов одной матрицы в другую. Она подчеркивает, что «такого рода обмены обычно бесперспективны, если направлены на замещение базовых институтов доминирующей матрицы» [Кирдина 2014, с. 256]. Такие попытки, отмечает С.Г. Кирдина, характерны для периодов кризиса основной матрицы и попыток быстрого исправления ситуации, но они терпят провал. Однако это не подразумевает принципиальной невозможности внедрения институтов одной системы в другую. Здесь жизнеспособность внедряемых институтов зависит от того, в какой степени соответствуют они нормам, принятым в данном обществе. «...Критерием успешности институциональных заимствований является такое встраивание альтернативных форм в хозяйственную, политическую и идеологическую среды, которое не нарушает доминирования присущей государству институциональной матрицы. Это означает, что при внедрении новых форм необходимо «сохранение опор», т.е. приоритета матричных институциональных структур, задающих направления эволюции страны» [Кирдина 2014, с. 260–261].

Думается, однако, проблема несовместимости институтов, перерождения институтов, имплантированных из развитых обществ в условия стран догоняющего развития, может быть объяснена и в рамках теории эволюционного развития. Тем более что и сами сторонники матричной теории признают, что главной внутренней причиной институциональных изменений «выступает усложнение реальности самого общества, внутренний запрос на новые легитимные формы совместного существования» [Кирдина 2014, с. 248], или в непопулярной ныне марксистской терминологии – «несоответствие производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил». И социальные напряжения в ситуации мобилизационных рывков, как правило, возникают не из-за того (или не только из-за того), что на неподготовленную почву внедряются чуждые институты, а из-за того, что необходимые властным элитам технические и организационные новации насаждаются методами, привычными для устаревшей системы. Как раз это напряжение между инструментальными новациями и присущей стране старой институциональной системой ведет в итоге к провалу мобилизационного рывка.

Кроме того, надо учитывать, что попытки провести инструментальные изменения с опорой на традиционную институциональную структуру достаточно тяжело сказываются на последней. История догоняющих стран (особенно тех, которые неоднократно предпринимали попытки мобилизационных рывков) накладывает свой отпечаток на институциональную структуру государства. И эти институциональные «рубцы» прошлого нередко создают проблемы, гораздо более серьезные, чем те, с которыми в свое время сталкивались развитые страны, прошедшие свой эволюционный путь. Они существенно осложняют продвижение вперед стран-аутсайдеров, вынуждают их искать нетривиальные решения для преодоления последствий неудачных попыток вырваться из ситуации отставания, возможно, принятых за несколько веков до этого.

Такие институциональные «рубцы» становятся обратной стороной мобилизационных попыток преодоления технологического отставания, особенно болезненного для властей в военно-технической сфере. Эти попытки во имя создания в стране в кратчайшие сроки технологических инноваций, необходимых, по мнению властей, для укрепления государства, не могут не опираться на господствующий в стране традиционалистский социальный фундамент. Тем более что сами мобилизационные принципы, прежде всего на этапе индустриальной модернизации, соответствуют именно такой социальной организации общества. Однако подобное расхождение целей и средств их достижения приводит к тому, что результаты модернизационных усилий даже в технологической сфере оказываются совсем не такими, на которые рассчитывали реформаторы. А.Г. Вишневецкий, проанализировавший различные аспекты консервативной модернизации в СССР, приходит к выводу: «Какую бы составную часть осуществленных перемен мы ни взяли, в каждом случае после короткого периода успехов модернизационные инструментальные цели вступали в непреодолимое противоречие с консервативными социальными средствами, дальнейшие прогрессивные изменения оказывались блокированными, модернизация оставалась незавершенной, заходила в тупик. В конечном счете это привело к кризису системы и потребовало ее полного реформирования» [Вишневецкий 1998, с. 418].

Представляется, что в данном случае автор несколько упрощает ситуацию. Проблема противоречий мобилизационного варианта модернизации советского периода не ограничивается тем, что различные аспекты социокультурной модернизации (и урбанизационной, и социальной, и политической) так и не были завершены, что индустриализация страны оказалась не подкрепленной прочным институциональным и социокультурным каркасом. Фактически сам советский способ индустриальной модернизации свидетельствует не о незавершенности модернизационных процессов, а об ужесточении институциональных конструкций традиционалистского типа, при опоре на которые власти, с одной стороны, пытались осуществить необходимый для них мобилизационный рывок в технологической, инструментальной сфере, а с другой – сохранить стабильность властных конструкций. Импульс такого рода модернизационных усилий исходит от власти, озабоченной, как правило, укреплением военно-технического потенциала страны, но по отношению к социально-экономическим и социально-культурным устоям общества данный импульс носит внешний, политически обусловленный характер. Это накладывает свой отпечаток на особенности не только институциональной структуры общества, но и общественного сознания.

С такой ситуацией, уходящей своими корнями в далекое прошлое, мы сталкиваемся в современной России. Здесь в культуре народного большинства, как

отметил И.М. Клямкин, исторически «ценности военной и мирной жизни не были расчленены». В результате «по военной модели выстраивались отношения людей с государством и... политической альтернативы этой модели изначально не было, а ее формирование властями блокировалось» [Клямкин 2007, с. 15]. Отсюда и иное видение проблемы *path dependence*. Клямкин его формулирует так: «...существует ли в России альтернатива милитаристской модернизации на манер петровской или сталинской в условиях постиндустриальной эпохи, когда сам тип подобной модернизации выглядит, мягко говоря, нереалистичным?» [Клямкин 2007, с. 17].

Думается, однако, что, признавая тяжелые выводы приведенного анализа, имеет смысл все же поискать альтернативу. Для этого прежде всего нужно осознать, наносится ли мобилизационными рывками в институциональном плане ущерб эволюционному развитию страны. Если наносится, то можно ли выделить те элементы нашей институциональной структуры, которые были трансформированы предшествующими мобилизационными попытками, с тем, чтобы в ходе будущего развития их исправить или хотя бы нейтрализовать.

Важное общетеоретическое положение состоит в том, что стимулом к институциональным изменениям оказывается стремление к уменьшению транзакционных издержек, созданию новых социальных ролей, новых правил игры, учитывающих потребности вновь создаваемых производств и сфер деятельности, новой политики, адекватной изменившимся обстоятельствам. Однако нередко ситуации модернизационных преобразований, когда изменения, выгодные для одной части общества, ущемляют интересы либо прежних выгодоприобретателей, либо выгодоприобретателей промежуточных. Это становится особенно очевидно, если властные элиты еще не осознали общей для них выгоды от достижения трех «пороговых условий» Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, без достижения которых страна не может начать движение к обществу с «порядками открытого доступа» или «зрелому обществу» [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011, с. 76].

В этих ситуациях при создании новых институтов, как правило, заимствованных из стран, дальше продвинувшихся по модернизационному пути, соображения экономической эффективности нередко заслоняются теми или иными трактовками общественной полезности или целесообразности. На деле эти трактовки камуфлируют интересы тех или иных промежуточных выгодополучателей, имеющих влияние на принятие решений. В результате страна сталкивается с таким явлением, как дисфункция институтов, когда «новый институт... “не работает” в существующей институциональной и культурной среде» [Полтерович 2007, с. 79], или с институциональной ловушкой. Под последней понимается неэффективная норма, причем она «неэффективна по сравнению с другим институтом, в принципе возможным в той же самой институциональной среде, в тех же самых условиях» [Полтерович 2007, с. 78].

Сама ситуация мобилизационного напряжения предполагает условия для формирования институциональных ловушек, представляющихся удачным решением тех или иных мобилизационных проблем с опорой на устаревшие и по своей сути не соответствующих внедряемым модернизационным элементам. Между тем, одним из важных положений теории реформ является то, что они должны «осуществляться не только в правильном направлении, но и правильными темпами» [Балацкий 2012, с. 50]. Неудивительно, что впоследствии созданные в ходе модернизационного рывка институты оказываются в гораздо меньшей степени подверженными нормальным эволюционным переменам,

нежели естественно отживающие традиционные институты, образованные на предшествующих этапах эволюции.

Российская история, пережившая за последние три века несколько подобных рывков, дает нам яркие примеры того, как мобилизационный скачок, опирающийся на традиционалистские методы, ведет к появлению специфических институциональных ловушек, с которыми не сталкивались передовые страны, прошедшие свой эволюционный путь развития. Эти институциональные сложности деформировали процессы эволюционного развития, вносили свои коррективы в общий ход эволюционных процессов, порождая новые институты или укрепляя старые. И вся их совокупность поддерживала традиционалистские устои в жизни общества как устои, на которые опирались инструменты мобилизации населения (нередко насильственные), направленные на осуществление мобилизационного рывка. В результате страна, резко рванувшая вперед прежде всего в технико-экономическом плане, затем столь же резко сбавляла темпы своего развития и долгие десятилетия (а то и века) мучительно пыталась избавиться от некогда порожденных мобилизационной необходимостью институциональных изменений. Эти процессы особенно ярко высвечивает история двух наиболее известных мобилизационных рывков страны – петровского и советского.

Петровские реформы как модернизация без модернизации

Как известно, вопросы о сущности российской цивилизации, о том, в какой степени ей свойственны черты как восточных, так и западных цивилизаций, по-прежнему остаются предметом дискуссий. Даже если принять концепцию промежуточной цивилизации, в которой борются черты и Востока, и Запада [Ахиезер 1997], российская история при всем ее тяготении к восточным канонам свидетельствует о постоянном тяготении к западным образцам. Эта устремленность оказывалась тем сильнее, чем на более длительный срок откладывались необходимые преобразования.

В историческом плане наиболее ярким примером мобилизационного рывка с целью овладеть передовым технологическим инструментарием Запада для достижения военного паритета с западными соперниками стали петровские реформы. Тот факт, что с XVII в. основную военную угрозу российское государство начало ощущать именно с Запада, вынудило власти задумываться о необходимости перенимать у западных соседей-противников те формы организации, которые могли бы способствовать росту собственной мощи. Р.М. Нуреев и Ю.В. Лагов констатируют, что «экспорт институтов из западных государств начался только с XVII в. и всегда осложнялся зависимостью от предшествующего развития, поскольку в период своего формирования Россия строила свою самоидентификацию на противопоставлении скорее Западу, чем Востоку» [Нуреев, Лагов 2011, с. 27].

Тем не менее при всех традиционных устоях к концу XVII в. явно назрела и была осознана потребность в прозападных преобразованиях. Как отмечал В.О. Ключевский, «реформа сама собой вышла из насущных нужд государства и народа». «Мы видели частичные нововведения и среди них заимствованные с Запада при деде, отце, старшем брате и сестре Петра. Еще важнее, что уже до Петра начертана была довольно цельная преобразовательная программа, во многом

совпадавшая с реформой Петра, во многом шедшая дальше ее». Причем над этой реформой еще до Петра «думали умы нового склада, успевшие вырваться из древнонерусского круга понятий» [Ключевский, лекция 68].

С точки зрения В.О. Ключевского, весь XVII в. явился эпохой, подготавливавшей преобразования Петра I. Многие выдающиеся умы того времени, причем не только стоящие рядом с троном, как, например, В.В. Голицын, но и такие, как бояре Б.И. Морозов, Н.И. Романов, А.С. Матвеев или Юрий Крижанич, «не только создали атмосферу, в которой вырос и дышал преобразователь (Петр I – *Н.П.*), но и начертали программу его деятельности, в некоторых отношениях шедшую дальше того, что он сделал» [Ключевский, лекция 58].

Трудно сказать, по какой траектории могли бы идти намеченные предшественниками Петра I преобразования, если бы они реализовывались постепенным, эволюционным путем. В.О. Ключевский полагает, что модернизационное преобразование «могло пойти так и этак, при мирном ходе дел могло рассредоточиться на целый ряд поколений» [Ключевский, лекция 68]. Однако и обстоятельства, связанные с военными действиями, и личные качества Петра I (тем более что его царствование началось с военных поражений) толкали на мобилизационный путь, который, будучи необходимым с военной точки зрения, в то же время не предполагал глубоких социальных трансформаций. Это глубинное противоречие также подметил В.О. Ключевский: «В жизни государств внешние войны и внутренние реформы обыкновенно не совмещаются, как условия, взаимно противодействующие. Обычно война – тормоз реформы, требующей мира. В нашей истории действовало иное соотношение: война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, наличный порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу». И далее В.О. Ключевский продолжает: «...при Петре война является обстановкой реформы, даже более – имела органическую связь с его преобразовательной деятельностью, вызывала и направляла ее... Но и при нем сказывалось это неестественное соединение взаимно противодействующих сил: война оставалась тормозом реформы, а реформа затягивала войну» [Ключевский, лекция 68].

Неудивительно, что в таких условиях требовались, с одной стороны, быстрая мобилизация всех сил страны для достижения необходимых для успешного ведения военных действий технологических и институциональных преобразований, а с другой, опора в ходе таких преобразований на привычные, а потому и комфортные для большинства традиционные институты и социокультурные стереотипы. И чтобы разрешить эту двуединую задачу, традиционалистские институты должны были быть не просто использованы в мобилизационных целях, но ужесточены, укреплены, в них необходимо было добавить элементы, с помощью которых они сохранили бы свою стабильность и в ситуации соседства с заимствованными извне институтами и технологиями. Такими институтами, являвшимися несущими конструкциями сложившегося к тому времени российского уклада, являлись самодержавие и крепостничество. Эти институты «как институты, которые сдерживают развитие, начинают использоваться в качестве инструментов его принудительного ускорения» [Аузан (1) 2007, с. 417].

Это упрочение позиций самодержавия вылилось в укрепление его с помощью во многом привнесенных из западных моделей бюрократических институтов организации государственного управления. Как отметил А.В. Оболонский, «Петр I “обогатил” отечественную, “почвенную” традицию необузданного деспо-

тизма власть имущих рационализаторскими механизмами деспотизма западного. Идеалом его было, как он сам выразался, регулярное – правильное – государство. Идеал “регулярного государства” вначале имел известные резоны, но очень скоро породил одно из основных зол и вместе с тем основных черт русской жизни – бюрократию. Это обстоятельство имеет для российского общества глубокие и устойчивые, даже до сих пор не преодоленные последствия, в том числе нравственно-психологического характера» [Оболонский 1997, с. 66].

В то же время такое мобилизационно обусловленное построение государственного управления оказывалось внутренне ущербным. Ю.М. Лотман писал: «...петровское государство надежно защитилось от всяких случайностей системой законов, указов, приказов. Однако парадоксальным образом обилие правил обернулось хаосом. Законов издавалось исключительно много, и в этой путанице отменяющих и уточняющих друг друга государственных установлений можно было лавировать». И далее: «Слово “чин”, по сути дела, разошлось в значении с древнерусским “порядок”, ибо подразумевало упорядоченность не реальную, а бумажную, условно-бюрократическую» [Лотман 1994]. Таким образом, были укреплены самодержавные традиции отечественной культуры, но вместе с тем они обрели черты привнесенные, имеющие западные корни. И эти новые особенности стали главенствующими в новой самодержавной конструкции, усовершенствованной в соответствии с мобилизационным императивом.

Тот же мобилизационный императив диктовал требования совершенствования крепостнических институтов, и они были использованы как метод организации необходимого в военных целях промышленного производства. Этим российский способ насаждения промышленности принципиально отличался от того, который использовали страны Запада, даже те из них, где в те времена господствовал абсолютизм. Об этом пишет в частности А.А. Аузан, подчеркивая различие в действиях Кольбера во Франции, который использовал насилие, «чтобы загнать люмпена в систему наемного труда», и Петра I, применявшего насилие, «чтобы, оставляя крестьян в крепостном состоянии, свести их с традиционного для них земледелия, переместить на другие объекты, приписать к заводам» [Аузан (1) 2007, с. 417]. И такая логика поведения следовала общей канве развития крепостничества в России, где, в отличие от Европы, в аграрных отношениях редким ресурсом был человек, земельный же потенциал был в избытке, поэтому традиционно власть использовалась для того, чтобы закрепить редкий ресурс – человека – за огромным земельным ресурсом [Аузан (2) 2007, с. 56].

Но перенося логику крепостнических и самодержавных отношений в промышленную сферу, Петр I заложил основы для искажения институционального развития промышленности страны. Это ставило свои специфические преграды для ее буржуазного развития и в XVIII в., и в XIX в. Такие изменения, с одной стороны, опирались на типичные для страны социальные устои, но, с другой, не были им имманентны, а привнесены в результате действия совокупности обстоятельств, связанных с необходимостью мобилизации усилий для победы над военным противником. «Служа главной внутренней пружиной реформы, война оказала самое неблагоприятное действие на ее ход и успехи» [Ключевский, лекция 68]. В результате традиционалистские институты в стране обрели особую прочность, которую им придали элементы, привнесенные из, казалось бы, противоположных, западных, образцов.

Мы можем только гадать, в какой мере и в какие периоды времени российское самодержавие и крепостничество постепенно разлагались бы в ходе медленного

эволюционного развития. Но реальная история свидетельствует, что укрепленное мобилизационными петровскими реформами крепостничество просуществовало еще полтора века, а самодержавие пало лишь в начале XX в., причем не успев в своих недрах вырастить себе дееспособную буржуазно-демократическую замену. И сама институциональная структура страны все более обретала черты, названные А.С. Ахиезером промежуточной цивилизацией, где подавляющее большинство народа придерживалось традиционалистских ценностей, а тончайшая прослойка просвещенной интеллектуальной элиты исповедовала либеральные идеалы [Ахиезер 1997].

В результате страна рухнула в пропасть новой, по сути самодержавной власти уже в форме большевистской диктатуры. Этот путь, разумеется, можно рассматривать и как следование особой институциональной матрице. Но если учесть постоянное стремление страны к ориентации на более прогрессивные, западные, образцы и известные попытки серьезных реформ, следующих этим образцам, то вполне логичной представляется эволюционная теория развития страны, существенно осложненная институциональными дефектами, которые были обусловлены неподготовленными мобилизационными рывками в ходе поступательного развития.

Институциональные ловушки советского периода и порожденные ими постсоветские ловушки

Как известно, в начале XX в. эволюционный процесс развития был прерван военными катаклизмами, из которых страна в итоге вышла с идеей нового мобилизационного рывка. Впрочем, если советский период в идеолого-политическом отношении был отрицанием предшествующего развития, то об экономической его составляющей этого нельзя утверждать с такой же определенностью. В выстраивании советской модели хозяйствования просматриваются не только образцы, тяготеющие к азиатскому способу производства, но прежде всего идущий от западной модели вариант государственно-монополистического капитализма. Думается, что Россия в своей истории реализовала один из возможных вариантов индустриальной модернизации, развития капиталистической системы, зачатки которого просматривались и на Западе уже на рубеже XIX–XX вв. Затем западные государства, не ограниченные предпринимаемыми антимонопольными мерами в мобилизационных условиях Первой мировой войны, обрели, особенно в Германии, четкие очертания, вполне удовлетворяющие большевиков как образец организации хозяйственной жизни (подробнее см. [Плискевич 1999, с. 30–31]). Следует напомнить известные пассажи В.И. Ленина, писавшего в 1917 г., что «диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым приблизила человечество к социализму», что государственно-монополистический капитализм «есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» [Ленин, с. 193].

Таким образом, сам генезис советской хозяйственной системы был обусловлен особенностями мобилизации ресурсов страны в военное время, и впослед-

ствии эта мобилизационная модель, за исключением краткого периода НЭПа, принималась в качестве основы всей советской социально-экономической системы. Не имеет значения, была ли она обусловлена для руководства страны сугубо идеологическими мотивами, связанными с марксистско-ленинской доктриной, идеей необходимости круговой обороны от стран, идеологически враждебных, или, напротив, подготовкой наступления на них в соответствии с концепцией мировой революции. Важно, что оправившись от экономического краха, связанного с Первой мировой и Гражданской войнами, руководство страны определило курс развития как мобилизационный рывок для достижения военного превосходства над предполагаемым противником. Не вдаваясь в историю вопроса и не обсуждая проблемы целесообразности такого скачка и возможности достижения тех же целей иными методами, хотелось бы лишь наметить те институциональные ловушки, в которые в результате попала страна, а также последующие трудности, появившиеся в результате того, что был избран неудачный вариант выхода из предшествующих проблем.

Здесь ключевой проблемой видится основополагающий институт новой системы – «общенародная (государственная) собственность» на средства производства, как она тогда именовалась и в Конституции СССР, и в официальных документах. Нельзя не признать, что с позиций мобилизационной экономики, концентрирующей ресурсы на выбранных властью направлениях, тотальное обобществление средств производства рационально. В то же время концентрация усилий в одних областях, прежде всего связанных с ВПК, вела к застою и даже деградации других сфер деятельности, как правило, обеспечивающих обслуживание населения. Со временем (к 1950–1960-м гг.), когда стала очевидной невозможность удержания потребления населения на прежнем крайне низком уровне и были начаты так называемые косыгинские реформы, в экономику страны стала поступать в огромных масштабах наличная денежная масса в виде зарплат, пенсий, денежного довольствия разного рода силовиков, стипендий, пособий и т.п. Но официальная экономика, ориентированная на прежние приоритеты², не могла обеспечить этот растущий платежеспособный спрос соответствующими товарами и услугами. В результате монополия общенародной (государственной) собственности начала размываться частной, но незаконной собственностью. Эта нелегальность ширящегося потока товаров, производимых теневиками, и полуподпольных услуг, которые к 1980-м гг. уже вылились в то, что получило название «теневого экономики», на мой взгляд, породило одну из институциональных ловушек, связанных с выходом из господства общенародной (государственной) собственности на средства производства. Ибо сама специфика теневого экономики, подкрепленной нелегальными же отношениями с отдельными представителями силовых структур, порождала свои нормы, правила, институты. При легализации частнособственнических отношений во второй половине 1980-х гг. и с началом рыночных реформ 1990-х гг. они наложили свой существенный отпечаток и на вновь формируемые институты рыночной экономики, и на деловую культуру, и даже на социально-психологические особенности российского предпринимательства.

² Директивы VIII пятилетки (1965–1970 гг.), где в первый и последний раз предполагалось опережающее развитие сферы производства предметов потребления (что соответствовало общим принципам косыгинской реформы), в этом отношении так и не были выполнены. И последующее развитие только усугубляло гигантский структурный дисбаланс между производством средств производства и предметов потребления.

Но главной проблемой в рассматриваемой сфере стала необходимость приватизации огромного массива общенародной (государственной) собственности³. Подход к этому процессу, ставящий во главу угла необходимость резкого повышения эффективности имеющихся производств и конверсию многих военно-ориентированных предприятий, а значит, поиск солидных инвесторов, готовых вложить крупные средства в модернизацию производства, как-то отошел на задний план⁴. На переднем же плане оказалась, по сути, чисто идеологическая конструкция замены идеологемы общенародной (государственной) собственности идеологемой народной приватизации, но такое отступление от экономической рациональности неизбежно вовлекло процесс в институциональную ловушку. В результате институциональная ловушка всеобщего обобществления во имя мобилизационного рывка была заменена на ловушку народной приватизации, создававшую ситуацию, в которой под лозунгами возвращения собственности народу произошел перехват ее подавляющей части управленческим корпусом и близкими к нему структурами.

Здесь необходимо сделать оговорку, что такие разные лидеры реформаторов того времени, как Е.Т. Гайдар и А.Б. Чубайс, с одной стороны, и Г.А. Явлинский и его единомышленники, с другой, были против безвозмездной раздачи собственности народу, полагая, что более целесообразна ее продажа, поскольку покупатель осознанно идет на сделку, имея план реорганизации производства и повышения его экономической эффективности. Однако ко времени начала реформ идея народной приватизации уже овладела массами, был принят соответствовавший закон, вследствие чего пришлось действовать в этих рамках.

Далеко не всегда администрация предприятий, фактически получившая права собственника, использовала их в общих интересах производства, а не в своих корыстных целях. Там же, где удавалось наладить дело либо на приватизированных, либо на вновь созданных предприятиях, их владельцы нередко сталкивались с рейдерством, часто совершаемым под покровительством силовых и судебных структур. Это также не способствовало укоренению в стране идеи о неприкосновенности частной собственности. Но наибольший удар по этой идее нанесла именно институциональная ловушка народной приватизации. Проведенная в кратчайший срок приватизационная кампания оставила после себя укоренившееся в общественном сознании ощущение несправедливости свершившегося факта. Предложения исправить ситуацию, обложив собственников приватизированных предприятий специальным налогом, прозвучавшие в начале 2000-х гг., теперь явно запоздали: и собственность эта уже во многих случаях не раз переходила из рук в руки, так что стало непонятным, кто должен этот налог платить, и само его исчисление сегодня, четверть века спустя, проблематично. В целом все это подрывает основы нового строя, потенциально легитимизирует возможные дальнейшие

³ Тезис о сути собственности на средства производства в советской модели не только как общенародной, но и как государственной, на мой взгляд, достаточно спорен. Неслучайно и в перестроечный, и в постсоветский периоды она нередко трактовалась как «ничейная» (напр.: [Экономические субъекты 2003, с. 46]). С моей же точки зрения, истинным собственником в советский период была партия-государство – КПСС, обладавшая *de facto* всеми атрибутами подлинного собственника (подробнее см. [Плискевич 1999; Плискевич 2006]). Именно с утратой КПСС рычагов управления собственностью начался ее стремительный обвал, превращение общественной собственности в ничью.

⁴ По такому пути, кстати, пошли немецкие власти, реформировавшие экономику бывшей ГДР. Там предприятия продавались за символическую цену в одну марку, но покупка обкладывалась массой четких требований и по модернизации производства, и по выполнению социальных обязательств по отношению к трудовому коллективу.

переделы, ставит в уязвимое положение новых собственников, добросовестных приобретателей некогда приватизируемого имущества, а значит, воздвигает барьеры на пути новых инвестиций, коренной реорганизации старых производств. Представляется, что для выхода из этого состояния даже в случае спокойного эволюционного развития потребуется не одно десятилетие.

Еще одна важная проблема, заложенная в нашу историю советским мобилизационным рывком, связана со способом, которым власть распределяла и оценивала имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, и с господствующими представлениями о рентабельности социалистического производства. Она, в отличие от нормальной конкурентной экономики, планомерно формировалась государством и определялась «величиной полученной прибыли в сравнении с размерами вложений в основные и оборотные средства» [Экономическая энциклопедия 1979, с. 492]. При этом государственный монополизм создавал условия для того, чтобы основой экономического развития становилось не получение прибыли за счет совершенствования технологий, ведущих затем к росту производительности труда и, соответственно, экономии дорогого трудового ресурса, а минимизация знаменателя формулы определения эффективности (т.е. экономия на вложениях в основные и оборотные средства). Для этого достаточно было в плановом порядке установить низкие цены на первичные ресурсы производства (сырье, энергию, рабочую силу), игнорируя потребности быстрой модернизации основных производственных фондов для повышения эффективности производства, снижения показателей его фондо-, материало-, энерго- и трудоемкости.

Такая система могла существовать только в условиях закрытой экономики. С началом рыночных реформ и открытием отечественной экономики миру выяснилось, что используемые ею первичные ресурсы, прежде всего энергия и сырье, в рыночных условиях имеют гораздо более высокую цену. Это поставило в крайне сложное положение предприятия, у которых резко возросли издержки на приобретение этих компонентов производства. Они оказались в ситуации жесткой конкуренции с возможными зарубежными покупателями сырьевых и энергетических ресурсов. Единственным фактором производства, на котором по-прежнему можно было экономить, оставалась рабочая сила, так как естественный ее защитник, профсоюз, в России был (и по-прежнему остается) встроенным в структуры власти и находящегося в союзе с ней бизнеса.

Тут мы сталкиваемся еще с одной институциональной ловушкой, сформировавшейся в советской экономике, которую можно охарактеризовать как систему низких зарплат [Плискевич 2010]. Это была достаточно сложная конструкция, направленная на общую минимизацию затрат на рабочую силу. В ней ограничения прямых выплат населению компенсировались и многоуровневой структурой получения разного рода благ либо бесплатно, либо по символической цене как из общегосударственных, так и из ведомственных источников, и минимизацией цен в важнейших сферах потребления – продовольственной, жилищной, транспортной. Причем «провал» одного из компонентов этой структуры компенсировался за счет других: например, необходимость повышения цен на продовольствие в начале 1960-х гг. покрывалась соответствующим ростом зарплатного компонента.

Важнейшая проблема реформ 1990-х гг. заключалась в том, что рухнули сразу все составляющие этой конструкции, и такой обвал не был в состоянии компенсировать стандартные меры социальной политики, заимствованные из практики развитых стран, даже с социально ориентированным рыночным хозяйством.

Разумеется, данную проблему можно решать и эволюционным путем на основе структурной перестройки экономики, ее качественного технологического перевооружения, ведущего к резкому росту производительности труда и, соответственно, экономически обоснованному повышению зарплаты. Однако этот путь требует и массивных инвестиций, и высокой деловой активности, которые в России пока не наблюдаются.

В то же время попытки выстраивания социальной политики (да и экономической политики в целом) без учета последствий советской специфики предоставления населению средств потребления (как материального, так и духовного) оказываются либо безрезультатными, либо в итоге обходятся гораздо дороже предварительных расчетов. К последним можно отнести реформу монетизации льгот 2005 г., когда вышедшие на улицы пенсионеры заставили пересмотреть первоначальные правительственные выкладки, что в результате обошлось во многие незапланированные миллиарды рублей, а натуральные льготы так и не были полностью отменены. Сейчас можно ожидать серьезные всплески недовольства и в связи с ростом оплаты ЖКХ, и с дополнительным обложением граждан расходами на капитальный ремонт жилищ. Да и скандалы начала 2015 г., спровоцированные отменой пригородного железнодорожного сообщения, и отмена с 1 августа 2015 г. бесплатного проезда в московском транспорте для подмосковных пенсионеров свидетельствуют о той же проблеме. Тут, кстати, выявляются и дефекты реформирования государственных монополий, не учитывающие их традиционную социальную роль⁵.

Модернизация и мобилизационный рывок

Перечисленные (и многие другие) дефекты современной российской социально-экономической ситуации по сути своей являются следствием советского мобилизационного рывка, результатом которого стали институциональные ловушки, не знакомые развитым странам. Они ставят задачи поиска оригинальных путей выхода из них, основанного, в конечном итоге, на магистральной цели развития – модернизации отечественной экономики, построения ее на современной, постиндустриальной информационной основе. Такой экономике должна соответствовать и современная институциональная среда, разумеется, учитывающая особенности отечественной культуры. К таковым можно отнести прежде всего более значительную, нежели в других развитых странах, роль государства, особенно в период трансформационных преобразований. Однако это отнюдь не означает абсолютизации его роли, подмены им любых других проявлений самодетельности организаций гражданского общества. Тем более что, как показывает практика последних десятилетий, попытки возрождения жесткой формы централизованного управления на деле вырождаются в построение отнюдь не сильного государства, не боящегося конкуренции растущих рядом с ним форм гражданского общества, а государства большого, рыхлого и слабого [Плискевич 2015]. Хотя, как специально подчеркивает В.М. Полтерович, способное проводить экономические реформы сильное государство должно не только противостоять «модным»

⁵ Например, люди не просто не хотели оплачивать возросшие аппетиты РЖД: они фактически не могли это делать, по-прежнему находясь в рамках системы низких зарплат, унаследованной от прошлого.

рецептам экономической политики, подавить избыточную перераспределительную активность», но и одновременно «допустить становление гражданского общества» [Полтерович 2007, с. 283].

Совершенно справедливо было отмечено: «Поскольку... модернизация представляет собой не задачу, которую можно решить по определенной универсальной формуле, а проблему, с которой одни страны сумели справиться, а многие – нет, можно сказать, что ключом к ее решению служит определение национально-специфической формулы модернизации. Такая формула должна учитывать не только природные, человеческие, финансовые ресурсы страны, но и ее социально-культурную специфику» [Аузан, Келимбетов 2012, с. 42]. К сказанному следует, однако, добавить, что при построении этой национально-специфической формулы модернизации необходимо учитывать также особенности тех институциональных «рубцов», которые были нанесены ее развитию предшествующими попытками мобилизационных рывков. Можно сказать, что в этом состоит одна из особенностей отечественного «особого пути» к современному постиндустриальному информационному обществу, пути, отягощенному историей ряда модернизационных срывов мобилизационного толка. С этих позиций следует подходить и к поиску новых нестандартных форм, призванных сближать российскую институциональную структуру со структурой стран-образцов. Этот отбор должен учитывать не только органичные для России социокультурные особенности, но и способы нейтрализации последствий предшествующих мобилизационных рывков.

При этом страна догоняющего развития, естественно, попытается мобилизовать имеющиеся ресурсы для того, чтобы приблизиться к лидерам. Возникает вопрос: может ли быть полезна такая стратегия или она всегда приводит лишь к созданию проблем, которые в будущем могут стать трудноразрешимыми? Представляется, что в данном случае все зависит от мотивации руководства, принимающего решение о мобилизации ресурсов в соответствии со своими приоритетами. Если таковыми будут внеэкономические военно-политические мотивы, то результатом подобной мобилизации с высокой степенью вероятности станет дальнейшее усугубление трудностей в социально-экономической и социально-культурной сферах, проблем, чреватых в итоге усугублением кризисных процессов. Другое дело, если в качестве цели будет избрана именно комплексная модернизация экономики и в целом общественных институтов, предполагающая создание современных производств, органически встроженных в глобальную экономику, стимулирование формирования соответствующих этим производствам институтов, развитие системы образования как важнейшего инструмента формирования человеческого капитала, необходимого для новой экономики и т.п.

Для этого важен правильный выбор тех точек роста для сосредоточения имеющихся ресурсов, которые способны дать именно модернизационный эффект, влекущий за собой начало глубоких изменений и в институциональной, и в социокультурной структуре общества. Собственно успешные примеры догоняющего развития XX в. демонстрируют сочетание мобилизационных усилий подобного рода с либеральными принципами. Кроме того, искусство управления мобилизационными инструментами состоит не только в их запуске, но и в выборе оптимального момента выхода из них. Например, по мнению Е.В. Балацкого, мобилизационный режим «изначально является временным и должен длиться не более 3 лет, после чего из него следует мягко выйти» [Балацкий 2015, с. 135]. После этого срока необходим

демонтаж наиболее жестких институтов мобилизационной модели роста. В противном случае их укоренение способно спровоцировать формирование новых институциональных «рубцов», ставящих новые преграды на пути модернизации.

Государственная экономическая политика по определению предполагает выбор направлений, на которых должны быть сконцентрированы имеющиеся у страны ресурсы. Сегодня особенно важно, чтобы эти ресурсы направлялись на решение задач подлинной модернизации экономики, соответствующих преобразований общественных институтов и социокультурных основ общества, а не для следования за внешними по отношению к этой важнейшей задаче политически обусловленными целями. Только так Россия может совершить подлинный модернизационный прорыв. Его естественным следствием станут возможности для решения политических задач, а отнюдь не наоборот. Хотелось бы верить, что в представлениях о приоритетах развития в итоге будет избран именно модернизационный вариант.

Литература

- Аузан А.А. (1) (2007) Пора решиться на переучреждение государства // Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Новое издательство. С. 407–422.
- Аузан А.А. (2) (2007) «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. № 6. С. 54–60.
- Аузан А., Келимбетов К. (2012) Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. № 5. С. 37–44.
- Ахиезер А.С. (1997) Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Балацкий Е.В. (2012) Институциональные и технологические ловушки: анализ идей // Журнал экономической теории. № 2. С. 48–63.
- Балацкий Е.В. (2015) Мобилизационная экономика в условиях санкций // Развитие и экономика. № 13. С. 118–135.
- Бессонова О.Э. (2007) Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН.
- Бессонова О.Э. (2014) Институциональный кризис и возможности его преодоления // Общественные науки и современность. № 4. С. 73–86.
- Бусыгина И., Филиппов М. (2012) Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Вишневский А.Г. (1998) Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.
- Кирдина С.Г. (2014) Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. М., СПб.: Нестор-История.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 58. Кн. В.В. Голицын, Подготовка и программа реформ // <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch58.htm>
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 68. Значение реформы Петра Великого // <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch68.htm>
- Клямкин И.М. (2007) Постмилитаристское государство // Клямкин И. (ред.) Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Новое издательство. С. 11–30.
- Лапин Н.И. (2012) Об опыте стадийного анализа модернизации // Общественные науки и современность. № 2. С. 53–65.
- Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 151–199.
- Лотман Ю.М. (1994) Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XX в.). Часть первая. Люди и чины. СПб.: «Искусство – СПб» // http://www.info/bibliotek_buks/history/Lotman/01.php

- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2011) Когда и почему разошлись пути России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // *Мир России*. № 4. С. 24–59.
- Оболонский А.В. (1997) На службе государевой: к истории российского чиновничества // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 63–76.
- Общественное мнение-2014. Ежегодник (2015). М.: Левада-Центр.
- Плискевич Н.М. (1999) Российская приватизация: революция или эволюционный переход? // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 29–43.
- Плискевич Н.М. (2006) «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России*. № 4. С. 62–113.
- Плискевич Н.М. (2010) «Система низких зарплат» – институциональная ловушка постсоциалистической экономики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5. С. 125–146.
- Плискевич Н.М. (2013) Модернизация глазами китайских ученых-социологов // *Экономическая наука современной России*, № 1. С. 97–106.
- Плискевич Н.М. (2015) Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства // *Мир России*. № 1. С. 8–34.
- Полтерович В.М. (2007) *Элементы теории реформ*. М.: Экономика.
- Чуаньци Хэ (ред.) (2011) *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)*. М.: Весь Мир.
- Эйзенштадт Ш. (2010) Срывы модернизации // *Неприкосновенный запас*. № 6. С. 42–67.
- Экономическая энциклопедия. Политическая экономия (1979)*. В 4 т. Т. 3. М.: Советская энциклопедия.
- Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Часть 3. Государство в современной России (2003)*. М.: Московский общественный научный фонд.
- Eisenstadt S. (1966) *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall.

'Path Dependence' and the Problem of Modernization from Above

N. PLISKEVICH*

*Nataliya Pliskevich – Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Address: 26, Maronovskii Lane, Moscow, 119049, Russian Federation. E-mail: ons@naukaran.ru

Citation: Pliskevich N. (2016) 'Path Dependence' and the Problem of Modernization from Above. *Mir Rossii*, vol. 25, no 2, pp. 123–143 (in Russian)

Abstract

Although Russia's cultural and institutional specificity (or the Sonderweg argument) is a popular account of its failing attempts at modernization, this article revisits this argument from a slightly different perspective. In particular, it draws attention to other failed mobilizational breakthroughs throughout Russia's history. All of these

breakthroughs were largely motivated to achieve military superiority, rather than broader social and economic development. Mobilizations were achieved by means of the temporary resurrection of traditionalist values and institutions, which retarded social and cultural progress. As a result social and cultural progress constantly lagged behind the technological progress. Moreover, each mobilization scarred the social structure by leaving various kinds of institutional traps. These traps are extremely difficult to remove through reform, and they are a major threat to successful modernization. The article closely examines the institutional traps which emerged during the rule of Peter the Great, the mobilizational breakthroughs of the Soviet Union and Russia's market transition. It is argued that a closer synthesis is needed between the current 'path dependence' explanations of Russia's development and the theory of institutional traps.

Keywords: modernization, mobilizational development, catch-up development, Sonderweg, institutional matrix, institutional traps, Petrine modernization, Soviet modernization

References

- Auzan A.A. (1) (2007) Pora reshitsya na pereuchrezhdenie gosudarstva [Time to Decide on the Re-establishment of the State]. *Rossiiskoe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra* [The Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow] (ed. Klyamkin I.), Moscow: Novoe izdatelstvo, pp. 407–422.
- Auzan A.A. (2) (2007) «Koleya» rossiiskoi modernizatsii [The 'Gauge' of Russian Modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 54–60.
- Auzan A., Kelimbetov K. (2012) Sotsiokulturnaya formula ekonomicheskoi modernizatsii [Sociocultural Formula for Economic Modernization]. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 37–44.
- Akhiezer A.S. (1997) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokulturnaya dinamika Rossii). T. I. Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: a Critique of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia), vol. I. From the Past to the Future], Novosibirsk: Sibirskii khronograf.
- Balatsky E.V. (2012) *Institutsionalnye i tekhnologicheskie lovushki: analiz idei* [Institutional and Technological Traps]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, no 2, pp. 48–63.
- Balatsky E.V. (2015) Mobilizatsionnaya ekonomika v usloviyakh sanktsiy [Mobilization Economy Under Sanctions]. *Razvitie i ekonomika*, no 13, pp. 118–135.
- Bessonova O.E. (2007) *Obraz budushchego Rossii i kod tsvivilizatsionnogo razvitiya* [Russia's Future and the Code of Civilization Development], Novosibirsk: IEiOPP SO RAN.
- Bessonova O.E. (2014) *Institutsionalnyi krizis i vozmozhnosti ego preodoleniya* [The Institutional Crisis and the Possible Solutions to It]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 73–86.
- Busigina I., Filippov M. (2012) *Politicheskaya modernizatsiya gosudarstva v Rossii: neobkhodimost', napravleniya, izderzhki, riski* [The Political Modernization of the State in Russia: Necessity, Direction, Costs, Risks], Moscow: Fond Liberalnaya missiya.
- Chuantsi He (ed.) (2011) *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [A Survey Report on Modernization in the World and in China (2001–2010)], Moscow: Ves' Mir.
- Eisenstadt S. (1966) *Modernization: Protest and Change*, Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall.
- Eisenstadt S. (2010) Sryvy modernizatsii [Failures of Modernization]. *Neprikosnovennyi zapas*, no 6, pp. 42–67.
- Ekonomicheskaya entsiklopediya. Politicheskaya ekonomiya* (1979). Tom. 3 [Economic Encyclopedia. Political Economy, vol. 3], Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- Ekonomicheskie sub'ekty postsovetskoi Rossii (institutsionalnyi analiz). Chast 3. Gosudarstvo v sovremennoi Rossii* (2003) [Economic Subjects of Post-Soviet Russia (an Institutional Analysis). Part 3. The State of Modern Russia], Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond.

- Kirdina S.G. (2014) *Institutsionalnye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional Matrix and Development of Russia. Introduction to the X-Y-theory], Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Klyamkin I. (2007) Postmilitaristskoe gosudarstvo [Post-Militarist State]. *Rossiiskoe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra* [Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow] (ed. Klyamkin I.), Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 11–30.
- Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoi istorii. Lektsiya 58. Kn. V.V. Golitsin. Podgotovka i programma reform* [The Course of Russian History. Lecture 58. V.V. Golitsin. Preparation and the Program of Reforms]. Available at: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch58.htm>, accessed 28 February 2016.
- Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoi istorii. Lektsiya 68. Znachenie reformy Petra Velikogo* [The Course of Russian History. Lecture 68. The Value of the Reforms of Peter the Great]. Available at: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch68.htm>, accessed 28 February 2016.
- Lapin N.I. (2012) Ob opyte stadiinogo analiza modernizatsii [On the Experience of Stage-by-Stage Modernization Analysis]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 53–65.
- Lenin V.I. Grozyashchaya katastrofa i kak s nei borotsya [The Imminent Catastrophe and Counter-Measures]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collection of Works], vol. 34, pp. 151–199.
- Lotman Yu.M. (1994) *Besedy o russkoi kulture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XX v.). Chast pervaya. Lyudi i chiny* [Conversations about the Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (XVIII – beginning of XX century.). Part One. People and Officials], St. Petersburg: Iskusstvo St. Petersburg. Available at: http://www.info/bibliotek_buks/history/Lotman/01.php, accessed 28 February 2016.
- Nort D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Moscow: Institut Gaydara.
- Nureev R.M., Latov YU.V. (2011) Kogda i pochemu razoshlis' puti Rossii i Zapadnoi Evropy (podkhod s pozitsii institutsionalnoi ekonomicheskoi istorii) [When and Why the Way of Russia and Western Europe Went Apart (from the Perspective of the Institutional Economic History)]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 24–59.
- Obolonsky A.V. (1997) Na sluzhbe gosudarevoi: k istorii rossiiskogo chinovnichestva [In Service of the Sovereign: the History of Russian Officialdom]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 63–76.
- Obshchestvennoe mnenie-2014. Ezhegodnik* (2015) [Public Opinion-2014. Yearbook], Moscow: Levada-Centr.
- Pliskevich N.M. (1999) Rossiiskaya privatizatsiya: revolyutsiya ili evolyutsionnyi perekhod? [Russian Privatization: Revolution or Evolutionary Transition?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 29–43.
- Pliskevich N.M. (2006) "Vlast'-sobstvennost'" v sovremennoi Rossii: proiskhozhdenie i perspektivy mutatsii ['Power-Ownership' in Modern Russia: the Origins and the Possibility of Mutations]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 62–113.
- Pliskevich N.M. (2010) «Sistema nizkikh zarplat» – institutsionalnaya lovushka postsotsialisticheskoi ekonomiki [‘The System of Low Wages’ as an Institutional Trap in the Post-Socialist Economy]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoi assotsiatsii*, no 5, pp. 125–146.
- Pliskevich N.M. (2013) Modernizatsiya glazami kitayskikh uchenykh-sotsiologov [Modernization Viewed by Chinese Social Scientists]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, no 1, pp. 97–106.
- Pliskevich N.M. (2015) Transformatsiya sistemi «vlasti-sobstvennosti» v Rossii: regionalnyi aspekt. Reformy i kachestvo gosudarstva [The Transformation of ‘Power-Ownership’ Relations in Russia: a Regional Perspective on the Reforms and the Quality of the State]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 8–34.
- Polterovich V.M. (2007) *Elementy teorii reform* [Elements of the Theory of Reform], Moscow.: Ekonomika.
- Vishnevsky A.G. (1998) *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [The Sickle and the Ruble. Conservative Modernization in the USSR], Moscow: OGI.